

Юрий Кобец

Времени нет!

**«Три сестры» А. Чехова
в БДТ им. Г. Товстоногова**

**Ближе к завершению театрального сезона
2016–2017, без громких анонсов и шума
в медийном пространстве, Большой
драматический театр пригласил на
премьеру «Трех сестер» – пьесы для этого
театра значимой.**

Спустя полвека после знаменитого спектакля Г. Товстоногова с Т. Дорониной, З. Шарко, Е. Копеляном, С. Юрским. К. Лавровым, Э. Поповой, О. Басилашвили, театр вновь обратился к чеховской пьесе, нисколько не смущаясь ни прошлым, ни настоящим; годом раньше «Три сестры» «взорвались» в пяти минутах ходьбы от театра на Фонтанке, на сцене Александринки, в спектакле А. Жолдака, ожесточенные споры о котором еще не утихли. На постановку в БДТ Андрей Могучий позвал руководителя московского Центра драматургии и режиссуры Владимира Панкова. «Александр Игнатьевич, вы из Москвы... Вот неожиданность!», – вскрикивает, помнится, в первом акте Ирина.

Когда в начале спектакля перед парадным занавесом БДТ появится актриса Людмила Сапожникова, годами не выходившая на эту сцену, и громко произнесет первую чеховскую ремарку: «В доме Прозоровых. Гостиная с колоннами, за которыми виден большой зал...», – тут же представится, что нас может ждать дальше. Современные костюмы, живой оркестр, советские песни «о главном», обязательное видео (Федотик или Родэ вместо фотоаппарата непременно будет бегать за сестрами с видеокамерой и крупным планом транслировать на несколько экранов их лица в слезах) или прочие цифровые перформансы; Соленый, целующийся с Тузенбахом... К счастью, ничего подобного не произойдет. И это можно считать настоящей революцией в деле «перечитывания» классики сегодняшним театром. Занавес откроется и мы увидим пространство, очень напоминающее перрон Витебского вокзала в Петербурге – зал с колоннами, тремя дверями в глубине и стеклянным потолком (художник Максим Обрезков).

«Если бы вокзал был близко, то не был бы далеко...»

Скамейка-диван перемещается по гостиной, совсем как паровоз, меняющий вагоны; участники спектакля напоминают измученных дорогой пассажиров с чемоданами, баулами и прочей домашней утварью... Перронов несколько, с перекинутыми между ними деревянными мостками, чемоданов также много, к финалу – все больше и больше.

В перечитывании классики все же имеется одна режиссерская вольность, точнее – дерзость. На сцене вы видите не трех, а шесть сестер!

Маша-старшая (Екатерина Толубеева) начнет монолог, а Маша-младшая (Карина Разумовская) продолжит его. Младшая споеет трогательный романс, а через минуту – едва слышно, как забытую молитву – его станет повторять та, что взрослее. В одной из сцен они бросятся в объятия друг друга: одна – юная, порывистая, с горящими

«Три сестры». БДТ. Л. Сапожникова – Ирина, Е. Попова – Ольга, М. Лаврова – Маша. Фото С. Левшина

щеками, другая – с бесцветным лицом, выгоревшими на солнце волосами... Однажды, не выдержав, вторая влепит первой пощечину.

Ирина-младшая (Юлия Дейнега) уронит фразу, Ирина-старшая (Людмила Сапожникова) повторит ее с удручающим отчаянием. Обе Ольги (Елена Попова и Татьяна Аптикеева) по разные стороны сцены одновременно произнесут реплику и вздохнут синхронно.

Человеку, не знакомому с пьесой, первые полчаса приходится нелегко: текст дублируется, повторяется по два раза, одна подхватывает речь другой, зачастую актрисы меняются репликами, а некоторые фразы переданы девочке-пианистке. Это не вызывает никакого сопротивления драматургии: «...Таких, как вы, после вас явится уже, быть может, шесть [вот, вот! – Ю.К.], потом двенадцать и так далее, пока наконец такие, как вы, не станут большинством...», – произносит в первом акте Вершинин.

На сцене – только одно зеркало, но не оставляет ощущение, что их здесь десятки, что они на каждом шагу. Отражения множатся: старшие сестры уныло причесываются, молодые радостно поправляют растрепавшиеся на ветру прически. Уникальна, невыразима на письме пронзительность спектакля.

В. Панков раскрывает пьесу, в первую очередь, через актеров, глубокое погружение в характеры чеховских персонажей, их биографии, пристально вглядываясь в их внесценическую жизнь.

«Три сестры». БДТ. П. Толстун – Маша, Т. Аптикеева – Ольга, А. Кучкова – Ирина. Фото С. Левшина

Людмила Сапожникова – единственная актриса в труппе, которая участвовала в спектакле Г. Товстоногова 1965 г. После временного ухода из театра Э. Поповой, молодой актрисе-дебютантке досталась роль Ирины. Сегодня, когда в финале третьего акта Ольга укладывает младшую сестру на диванчик, мы слышим чистый, чувственный, молодой голос Сапожниковой: «Лучше Москвы нет ничего на свете! Поедем, Оля! Поедем!». И нам сразу представляется какими (и чем!) были для зрителя постановки БДТ полвека тому назад. Сейчас так не говорят... нет таких голосов!

Героини Елены Поповой и Людмилы Сапожниковой часто находятся рядом, поддерживают, обнимают друг друга (не удивительно, ведь Маша живет отдельно), их дуэт задает спектаклю высоту прежнего БДТ, к которой весь ансамбль нынешних «Сестер» через некоторое время неизбежно придет. (Меньше всего хотелось, чтобы эти слова воспринимались как «скулеж по Товстоногову», к творчеству которого у автора этих строк вовсе не идилическое отношение.) Давно знакомые актеры предстали перед нами – без всякого видео – настоящим крупным планом, и мы увидели их будто впервые. А у многих участников нынешних «Трех сестер» таких серьезных работ прежде и не случалось.

Вершинин – очень скромный, тихий, даже застенчивый; и речей своих стесняется, и больной жены стесняется, и чувств к Маше стесняется...

Алексей Винников сыграл эту роль сразу после кроткого-кроткого Тихона в «Грозе» А. Могучего и, видимо, пришел в чеховский спектакль со шлейфом недавней работы.

Андрей Прозоров у Антона Шварца – очень драматический персонаж, он не настолько нелеп и бесхарактерен, как нам его зачастую показывали раньше. Неудовлетворенность жизнью, даже отчаяние, копятся в нем с самого начала. Уже при первом его появлении нетрудно заметить, что он чем-то чрезвычайно угнетен. По ходу спектакля угрюмость эта только нарастает; даже когда он объясняется в любви Наташе – Елене Яреме. В третьем акте кульминацией обычно бывает исповедь-покаяние Маши, а у Панкова главным становится нервный срыв Андрея. В четвертом акте движения Прозорова – А. Шварца неторопливы и механистичны и, при внешней подвижности, весь он мертвенно-спокоен.

Подлинным открытием спектакля стал Тузенбах Виктора Княжева. Строен, подтянут, тщательно причесан – настоящий молодой офицер царской армии начала века. Этому барону присущи необыкновенная серьезность и требовательность в отношении к окружающим, но в первую очередь – к себе самому, и какая-то просто патологическая честность. Цельность натуры Тузенбаха – главное для В. Княжева. Скрытой страстностью и романтизмом, бесспорно, он походит на Лермонтова куда более, чем Соленый. Поэтому так важны редкие эмоциональные взрывы Тузенбаха, либо тихо произнесенные им слова. Непроизнесенные, пожалуй, еще важнее.

Текст Чехова режиссер оставляет неприкосновенным, хотя отдельные реплики и фрагменты монологов перераспределены между другими персонажами. Порой они повторяются и звучат странным эхо. Иногда старшие сестры озвучивают чеховскую ремарку «пауза»; порой громко, порой сдержанно, почти сухо...

Проявление подтекста, «проявление» как в фотографии, и «публикация» его на сценических подмостках (то, что давно не интересно новым поколениям режиссуры) увлекает В. Панкова. Соединить в одном пространстве двадцать восемь действующих лиц, создать для них непрерывную партитуру физического существования на сцене – случай в нынешнем театре редкий. «Театральная симфония» – можно было бы смело указать в афише жанр спектакля.

В «Трех сестрах» БДТ, как и в пьесе, нет одного героя и почти исчезают парные сцены. За редким исключением, в действии участвуют одновременно не менее десятка человек, которые очень активно

«Три сестры». БДТ. Сцена из спектакля.
В центре А. Шварц – Андрей Прозоров. Фото С. Левшина

взаимодействуют. Кажется, что двадцать персонажей и восемь музыкантов обступают тебя со всех сторон. Был когда-то на ВДНХ кинотеатр с круговой панорамой: ты стоял в центре, а захватывающие события разворачивались вокруг.

Напомним, что после «Иванова» Чехов окончательно рвет с многовековыми традициями драматургии и, начиная с «Чайки», отказывается, например, от деления действия на сцены, на явления; строит пьесы скорее по законам музыки, чем драмы. «Драматургия Чехова, особенно в «Трех сестрах» – совершенство, подобное партитуре величайшей симфонии», – писал о пьесе Ингмар Бергман.

Панков развил чеховскую революционную драматургическую структуру: к семнадцати чеховским персонажам он добавил еще трех солдат и живой оркестр (фортепиано, флейта, кларнет, виолончель, скрипка, труба, контрабас, ударные). Музыка постоянных соавторов режиссера, композиторов Артема Кима и Сергея Родюкова звучит почти все четыре с половиной часа спектакля; оркестранты в костюмах, соответствующих эпохе, практически не покидают сцену; военные марши, забытые вальсы, жестокие романсы, разнообразные шумы и звуки сопровождают действие ненавязчиво и предельно тактично. Слова М.К. Чюрлениса: «Вселенная представляется мне большой симфонией: люди – как ноты...» – подходят спектаклю В. Панкова.

«Три сестры». БДТ. Сцена из спектакля.
Фото С. Левшина

Интересна здесь и пантомима – гонка в метель на санях с ряжеными в масках и вывернутых наизнанку тулупах; борьба с пожаром мужчин, обнаженных по пояс, с ведрами воды, в красных отсветах; молчаливая пластическая дуэль Тузенбаха и Соленого, разыгранная по сценарию русской рулетки (на авансцене, в полуметре друг от друга), следующая за ней сцена омовения и обряжения тела барона в белые погребальные одежды. В финале Ирина-старшая возьмет за руку босого, в белом нательном белье Тузенбаха и молча уведет его вглубь, в темноту дверного проема.

Рассказывают, что после первого спектакля Товстоногов носил на руках Л. Сапожникову. На нынешней премьере счастливые актеры качали Панкова и подбрасывали его вверх, к колосникам.

Перед первым представлением «Трех сестер» в нынешнем сезоне режиссер приехал в БДТ и сократил спектакль на час. Теперь каждый акт идет в отличном ритме, по 40–45 минут, контуры спектакля стали графически четче, внутренняя архитектура – более строгой и внятной. Подобная саморедактура – случай почти уникальный.

В новом актерском составе удивляет прежде всего Маша. Спустя годы, героиня Марии Лавровой менее других похожа на себя в молодости. Она перестала следить за собой, ходит простоволосая, в мешковатом

«Три сестры». БДТ. Сцена из спектакля.
Фото С. Левшина

платье, в четвертом акте мы видим ее в черном платке богомолки. Она огрубела, стала равнодушна ко всему, что ее окружает, графин с водочкой, что мы часто видели у нее в руках в первой части, заменили четки. Недолгий роман с Вершининым, видимо, сломал ее жизнь.

Никогда раньше не приходилось видеть такого Кулыгина, как у Семена Мендельсона. Он бесконечно балагурит, назойливо шутит, пытается острить... развлекает всех, но больше – самого себя. Почти коверный, клоун, он – больше чем кто-либо – чувствует свою ненужность в этом доме, отвращение окружающих и собственной жены. Отчаяние одиночества Кулыгина в спектакле доведено актером до крайности.

Открытием для многих стала Ирина Алены Кучковой. Невысокого роста, худенькая, почти подросток, кажется, ей и чеховских двадцати нет. Ее юность и неопытность особо подчеркиваются режиссером, он идет за автором, можно сказать, след в след. А. Кучковой веришь с первой же минуты – и ее жажде труда, и усталости после рабочего дня на почте, и ее растерянности, когда она робко отвечает на поцелуй Соленого, отведя руки в стороны, словно чужие. Столкновение с жизнью фиксируется актрисой почти документально. И знакомую сцену перед дуэлью в исполнении А. Кучковой и В. Княжева смотришь будто впервые. Такими беззащитными и простодушными нам видеть Ирину и Тузенбаха еще не приходилось.

«Три сестры». БДТ. Сцена из спектакля.
Фото С. Левшина

«Актеру редко удается забыть, что он на сцене, но такие случаи бывают. Тогда он переживает одно из прекраснейших мгновений в своей артистической жизни. Еще реже встречаются труппы, которые живут на сцене. “Вишневый сад” относится к тем редчайшим пьесам, когда целая труппа может увлечься, забыть, что она на сцене, поверить, что эта семья и этот дом действительно существуют и что вокруг самая настоящая жизнь...»¹. Слова Ж.-Л. Барро применимы к спектаклю В. Панкова. В нынешних «Трех сестрах» сиюминутность происходящего просто физически ощутима. Актерская искренность, внутренняя наполненность рождает редкое чувство правды, создают на сцене воздух *подлинности*, растворяющий границу между сценой и залом.

В новой редакции в жизни дома Прозоровых премьерных легкости и веселья, «шампанского» настроения поубавилось. Нескрываемое отчаяние сквозит в поведении почти каждого из героев. Прорывается порой интонация, весьма далекая от представления о воспитанных интеллигентных женщинах. При первом появлении Ирины-старшей не осталось и следа лирического тона, теперь она смотрит на гостиную и букеты желтых нарциссов печально – как уставший, поживший человек на фотографию далекой юности. Особенно сильна эта оптика – взгляд сквозь горечь неудачно прожитой жизни – у Ольги Елены Поповой. Она смотрит на себя молодую растерянню, даже обреченно.

В финале маленькая девочка, игравшая весь спектакль на фортепиано, оказывается на авансцене и повторяет ломающимся от волнения голосом первую реплику Ольги: «Отец умер ровно год назад, как раз в этот день, в твои именины, Ирина...». Кто это говорит – Ольга-ребенок или... Софочка?.. Или это только эхо слов, произнесенных когда-то, ведь стены этого дома помнят вздохи, крики, исповеди сестер.

Мы приходим к тому, с чего и начиналась история. Все лишь повторяется... Тема уходящего времени была важна в 65-м («В спектакль Товстоногова, начинающийся боем часов, сразу входит тема медленно движущегося времени», – писал К. Рудницкий²). У В. Панкова – иначе. Мешая отчаяние с яростью, Ольга прокричит: «Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было...». Но, вопреки тексту, ничего не забылось, и многие сегодняшние зрители помнят Елену Попову в «Нашем городке» в постановке Э. Аксера и ее Катрин в «Мамаше Кураж», Людмилу Сапожникову (в дуэте с К. Лавровым) в «Мещанах», Т. Доронину – Машу с Е. Копеляном – Вершининым, С. Юрского и З. Шарко в «Трех сестрах» и в «Пяти вечерах»... И не так сложно представить, как ходил по этому залу А. Блок, первый завлит этого театра, или его драматург – М. Горький...

Все это, кажется, было совсем недавно. Было на этой сцене, в этом зале, среди бирюзового бархата лож и лепнины... Все лишь повторяется, все движется по кругу... Нет границ между вчера и сегодня. Все продолжает существовать здесь и сейчас. Одновременно. Это единство, непрерывность времени чувствуешь сегодня, сидя в зале БДТ, почти кожей. История сестер продолжается и повторяется где-то за стенами вашей квартиры или на соседней улице.

¹ Ж.-Л. Барро. Размышления о театре. М.: Издательство иностранной литературы. 1963. С. 168.

² К. Рудницкий. Возвращение Чехова // *Театр*, 1965. № 5. С. 38.